

АЛЕКСАНДР
АВДЕЕНКО

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА «ИЗ ПОГРАНИЧНЫХ ХРОНИК»

НАД ТИССОЙ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Александр Авдеенко

Над Тиссой

«Алисторус»

1954

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

Авдеенко А. О.

Над Тиссой / А. О. Авдеенко — «Алисторус», 1954 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-498-3

Конец 50-х годов. Закарпатье. Двое диверсантов переходят советскую границу в долине реки Тиссы. Один погибает при задержании, а второй под видом фронтовика Ивана Белограя появляется в совхозе и начинает ухаживать за Терезией, с которой был заочно знаком по переписке. Влюбленный в Терезию пограничник Андрей Смолярчук первым начинает подозревать Белограя... Первая книга из легендарного цикла о советских пограничниках «Из пограничных хроник». В 1958 году по роману «Над Тиссой» был снят одноименный художественный фильм. Лидер кинопроката СССР 1958 года (45.7 млн зрителей).

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

ISBN 978-5-00269-498-3

© Авдеенко А. О., 1954
© Алисторус, 1954

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Авдеенко

Над Тиссой

© Авдеенко А. О., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Глава 1

Темной мартовской ночью, часа за три до рассвета, наши пограничные наряды засекли над Карпатами неизвестный самолет, прилетевший с юго-запада, со стороны Венгрии и Австрии. Он несколько минут летел на север над лесистым горным районом, потом повернул на запад и скрылся.

Спустя немного времени о нарушении воздушной границы стало известно начальнику городского отдела Министерства внутренних дел города Явора майору Зубавину.

«Иностраный самолет, конечно, не зря появился над советской землей в такую ночь, – решил Зубавин. – Сброшены парашютисты».

Самолет летел вглубь нашей территории в течение семи минут. Он углубился на север не менее чем на сорок километров. Но где именно следует искать парашютистов?

Разложив на столе карту, Зубавин задумался. Поразмыслив, он остановился на горных окрестностях Явора. Лазутчики, несомненно, рассчитывали на этот большой город: здесь легче скрыться, отсюда по железной дороге и по автострате можно выехать на все четыре стороны. Враг, тайно проникший на нашу землю, – это хорошо знал Зубавин, – чаще всего стремится побыстрее попасть в людской поток и затеряться в нем.

К утру район вероятной высадки парашютистов был оцеплен. Поисковые группы прочесывали лес и горные ущелья, прилегающие к Явору.

К вечеру были найдены два парашюта: один, заваленный камнями, – в густом кустарнике, другой – в стоге прошлогоднего сена на дальних лугах колхоза «Заря над Тиссой».

В тот же день на участке пятой погранзаставы, на виноградниках горы Соняшна, пограничники задержали неизвестного, назвавшегося «агрономом из Москвы». В действительности он оказался парашютистом. При конвоировании лазутчик пытался бежать и был убит.

Второго парашютиста, несмотря на тщательные поиски, не удалось обнаружить ни в течение ночи, ни на следующий день.

В обширном районе лесистых гор и ущелий трудно найти человека, который обучен скрывать свои следы. Но найти можно и должно! Не может же лазутчик бесконечно прятаться. Он обязательно покинет убежище и выйдет. Зубавин рассчитал, что это должно случиться не позднее завтрашнего дня: в воскресенье утром по всем горным дорогам пойдут и поедут колхозники, спешащие на яворский праздничный базар.

Помня, что враг мог пристально наблюдать из укрытия за действиями своих преследователей, Зубавин сделал вид, что снимает блокаду. Он демонстративно, стараясь на шуметь как можно больше, посадил поисковые группы на машины и отправил их вниз, в долину.

Ночью Зубавин вернулся и приказал своим людям скрытно занять все выходы из якобы разблокированного района.

Ранним утром, еще до восхода солнца, по горным тропинкам и дорогам начали спускаться фуры, запряженные волами, и колхозники с ивовыми, на холщовых ремнях корзинами за плечами. От молодых не отставали и крепконогие старики в черных шляпах, в расшитых цветной шерстью колушах, с обкуреными до черноты трубками в зубах, и смуглокожие черноглазые старухи в гунях – шубах, вывернутых белой длинной шерстью наружу.

Людские ручейки сливались в один поток на главной дороге, ведущей в Явор. Здесь, в будке дежурного по переезду, и расположился Зубавин.

Снизу, от Тиссы и Явора, медленно приближался товарный поезд. Дежурный – седоусый, с молодыми глазами человек – закрыл железнодорожный переезд. Перед полосатым шлагбаумом начали накапливаться люди. Зубавин вглядывался в лица.

Беспечно облокотившись о шлагбаум, стояли счастливые молодожены. На кудрявой голове юного мужа – верховинского лесоруба или отважного плотосплавщика – ярко-зеленая шляпа, окантованная черным шнурком и увенчанная радужным пером. Тонкая талия парня затянута широким поясом с медным набором блях, гвоздиков, ромбиков и квадратов. На сильные плечи небрежно накинут белый, мягчайшей выделки, почти замшевый киптар – безрукавный колушок, расшитый цветной шерстью, с пышными кистями у ворота. Грудь полотняной рубашки вышита шелковым и бисерным узором.

Нарядно одета и его русоволосая подруга. На ней бордовая, из грубой шерсти понёва, вишневого атласа кофта, ожерелье из старинных серебряных монет и сердак – белоснежная куртка с двумя бортовыми полосами цветной вышивки.

Куда и зачем они идут? Наверно, просто так, никуда и ни за чем. Не сидится им сейчас дома. Вышли, чтобы похвастаться своим счастьем, чтобы подивились на их красоту добрые, не завистливые люди.

Зубавин оторвал взгляд от молодых верховинцев и сейчас же обратил внимание на курного, с небритым и сильно опухшим, как бы обмороженным лицом парня. Одет и обут он был буднично, даже бедновато: старая свитка, переделанная, как видно, из отцовской, поношенные постолы, островерхая, с вытертой мерлушкой шапка. На спине парня приложена новая корзина, и поверх нее видна красноносая голова чубатого гусака. Выделялся этот человек из толпы еще одной деталью: воротник его свитки был поднят. Зачем? Ведь нет ни дождя, ни ветра.

– Интересный хлопец! Часто он мимо вас на базар шагает? – спросил майор железнодорожника.

– Первый раз вижу. Он не здешний: нашим ветром и солнцем не поджарен, белокожий. И снаряжение тоже не здешнее.

– Какое снаряжение? – заинтересовался Зубавин.

– Постолы, свитка и шапка. Я всех наших, что живут вверху и внизу, знаю – не было среди них такого.

Нашупав в кармане рубчатую рукоятку пистолета, Зубавин распахнул дверь будки и подошел к шлагбауму.

– Гражданин, ваши документы! – тихо, но твердо сказал он.

– Пожалста!..

Но Зубавину уже не понадобилось заглядывать в паспорт. Это «пожалста», переведенное с иностранного и механически, помимо воли, сорвавшееся с языка, окончательно убедило Зубавина, что он не ошибся.

Парашютист был подвергнут обыску. Из его карманов извлекли скорострельный бесшумный пистолет, две гранаты, тугую пачку сторублевок и схему главной карпатской железнодорожной магистрали. В корзине оказались портативная радиостанция и две коробки с запасными патронами к пистолету. Обыск завершился тем, что Зубавин вытащил ампулу с цианистым калием, вшитую в воротник рубашки задержанного.

– Террорист?

Парашютист испуганно и протестующе замотал головой:

– Нет, нет!.. – помолчав, он добавил. – Только диверсант.

– Только... – Зубавин усмехнулся одними глазами. – Это тоже немало. Один шел?

– Один. Пан майор, я все расскажу. Я имел задание...

Зубавин остановил «кающегося» диверсанта:

– Потом расскажете, в более подходящей обстановке.

– Ничего, я могу и сейчас. Я имел задание...

Не слушая диверсанта, Зубавин подошел к нему, решительным жестом опустил воротник домотканной свитки, посмотрел на заросший рыжеватыми волосами затылок:

– Зачем поднимал?

– У вас бреют шею, а я...

– Понятно. Значит, оплошали ваши маскировщики. Кто вас снаряжал? Впрочем, потом...

В машине парашютист уже не пытался исповедоваться. Он молчал, мрачно, но и не без интереса, как заметил Зубавин, разглядывая окрестности Явора и улицы, заполненные народом. Машина остановилась перед ажурными литыми воротами горотдела Министерства внутренних дел. Парашютист опять оживился:

– Пан майор, не забудьте, что я не сопротивлялся. Имел оружие, но не применил.

– А разве это имеет какое-нибудь значение? – серьезно спросил Зубавин.

– Боже мой! А как же! Имеет! Огромное, – убежденно проговорил парашютист. – Если бы я оказал вооруженное сопротивление, я бы получил одну меру наказания, теперь же – другую. Правда?

Зубавин промолчал.

Машина медленно въехала на просторный двор, мощный крупным булыжником.

– Пан майор, – бубнил парашютист, – я шел прямо к вам. Сдаться. Поверьте, я давно, когда они меня решили послать сюда, задумал сдаться. Я ненавижу их. Они украли у меня молодость...

Зубавин открыл дверцу машины и жестом предложил парашютисту выходить.

Диверсант ловко выскочил на булыжники, между которыми пробивалась весенняя травка. Он заискивающе смотрел на своего конвоира, стараясь угадать приказание, прежде чем оно будет высказано. Вместе с тем он воровато косился по сторонам: на высокие дворовые стены, увитые старым плющом, на двухэтажный дом с большими окнами.

– Что, знакомая обстановка? – Зубавин улыбнулся.

Парашютист утвердительно кивнул головой.

– Здесь раньше был мадьярский банк, – сказал он.

Поднявшись к себе в кабинет, Зубавин открыл форточку, снял плащ, фуражку, вытер платком мокрый лоб.

– Раздевайтесь, – сказал он в сторону парашютиста.

Тот нерешительно топтался посреди большой комнаты, на краю ковра.

– Раздевайтесь, говорю, садитесь.

Парашютист сел. Его чуткое ухо было все время настороже: когда же наконец в голосе советского майора зазвонят повелительные нотки, послышатся превосходство, презрение?

Зубавин молчал, углубившись в свои бумаги, словно забыв о существовании арестованного.

Парашютист робким покашливанием напомнил о себе.

– Курите! – не поднимая головы, сказал Зубавин и предложил ему сигарету.

– Пан майор, я хочу рассказать...

– Куда нам спешить? Особенно вам. Покурите, – и Зубавин опять замолчал, продолжая заниматься бумагами.

Парашютист кивнул головой и печально улыбнулся, давая понять, что ирония до него дошла. Он жадно курил, беспокойно ерзая на стуле.

Долгое молчание майора нервировало парашютиста. Тщетно пытался он скрыть тревогу, глядя на русского, который был так не похож на того чекиста, какого рисовали американские и германские газеты и журналы и преподаватели школ разведки. Диверсант думал увидеть на его лице злорадное самодовольство, желание насладиться плодами своей победы, но оно было буднично-спокойным.

У майора длинные светло-русые волосы. Чистые и мягкие, они покорно вьются по крупной круглой голове к затылку. Глаза синие, удивительно переменчивые: то строгие, то улыбочивые, то грустные, то насмешливые. Движения его замедленные, подчеркнуто аккуратные.

Зубавин угадывал состояние лазутчика. Судя по всему, он не станет заперяться, но и не будет откровенным до конца. Он сделает важные признания, но скроет самые важные. Зубавин усмехнулся про себя: «Не ты первый, не ты последний прибегаешь к подобной уловке»!

Он сложил бумаги, придавил их тяжелым прессом и, прямо, в упор взглянув на диверсанта, спросил:

– Фамилия?

– Тарута, – с готовностью ответил парашютист. – Иван Павлович Тарута. Родился в тысяча девятьсот...

– Тарута? – переспросил Зубавин. – Хорошо, предположим. Куда направлялся?

– В Киев.

– Когда вам сделали пластическую операцию? – спросил Зубавин, вплотную подойдя к парашютисту и рассматривая его искусственно вздернутый нос и следы оспы, разбросанные умелой рукой хирурга по щекам и подбородку.

Парашютист закрыл глаза, долго молчал. Зубавин не мешал ему. Он терпеливо ждал, готовый и к частичному признанию, и к новым уловкам врага.

– Три года назад, – ответил парашютист.

– Зачем? Чтобы изменить лицо, которое в Яворе кое-кто хорошо знал? – Зубавин вернулся к столу и положил перед собой стопку чистой бумаги. – Фамилия?

– Карел Грончак.

– Кличка?

– «Медведь».

– Подготовлен, конечно?

– Окончил специальную школу.

– Какую? Как туда попали? Кому служите?

Грончак незамедлительно ответил на все вопросы. Он рассказал, когда и при каких обстоятельствах стал служить американской разведке. Родом он из окрестностей города Явора, сын владельца обширных виноградников и фруктовых садов, бежал с отцом в Венгрию при вступлении Советской Армии в Закарпатье. Спустя некоторое время, когда советские войска вошли в предместья Будапешта, Грончаку пришлось удирать вместе с хортистами¹ дальше, в Германию. Потом он оказался в американской оккупационной зоне. Здесь, в Мюнхене, он и завербовался. Его определили в школу, созданную в одном из отдаленных высокогорных санаториев. Жил Грончак в комнате, из которой через окно было видно только небо. Встречался лишь со своими преподавателями. Пищу ему приносила одна и та же неразговорчивая женщина. Дышать свежим воздухом его вывозили в закрытой машине за несколько километров от санатория. Прогулка обычно совмещалась с упражнениями в стрельбе из пистолета, с лазанием по скалам и деревьям.

Зубавин испытывал чувство отвращения, слушая Грончака. Он без труда угадывал утонченную, замаскированную фальшь и ложь.

Давно и преданно любил свою работу Зубавин. Любил за то, что она требовала высокой ответственности перед народом и партией, творческой ответственности, воспитывающей ум, волю, мужество. Любил еще и за то, что по долгу службы ежедневно, ежечасно боролся с заклятыми врагами родины. Боролся и побеждал. Побеждая сегодня одного, учился завтра побеждать другого.

Продолжая допрос, Зубавин выяснил, что Карел Грончак за все время пребывания в школе так и не узнал, кто еще обучался в ней, но чувствовал, догадывался, что под крышей бывшего санатория есть немало людей, подобных ему, хотя они ни разу не попались ему на глаза.

После прохождения общего курса Грончака стали специализировать в железнодорожном деле с учетом горного рельефа. А через некоторое время ему прямо сказали, что он будет направлен в Закарпатье.

Окончив школу, Карел Грончак получил деньги и документы на имя Таруты, паровозного слесаря по профессии. В начале марта его посадили в машину и отвезли на военный аэродром, откуда Грончак совершил последний полет в своей жизни.

Заключительные слова своей исповеди Грончак произнес дрогнувшим голосом, и в его глазах блеснули слезы, но он сейчас же вытер глаза рукавом свитки, усмехнулся:

– Не думайте, пан майор, что это для вас: Москва слезам не верит.

Зубавин записывал все, что говорил Карел Грончак: и то, чему верил, и то, в чем сомневался, и то, что было явной неправдой. Позже, оставшись наедине с собой, он тщательно разберется в показаниях, отберет нужное, отбросит лишнее.

Зубавин строго придерживался правила, обязательного для всякого следствия. Допрашивая врага, он не принимал на веру его слова, хотя они и казались на первый взгляд вполне искренними. Но он, однако, и не рассматривал показания арестованного как заведомо ложные, рассчитанные на то, чтобы ввести следствие в заблуждение. Самое чистосердечное признание он проверял объективными данными, неопровержимыми фактами. Так он собирался поступить и в этом случае: неоднократно проверить по возможности все, что излагал Грончак. Пока же Зубавин расставлял более или менее заметные вехи на трудном пути следственного процесса, не мешал Грончаку выявлять систему своей обороны, ее сильные и уязвимые места. Это была разведка боем. Трудность ее заключалась в том, что противник делал вид, что не оказывает никакого сопротивления, изо всех сил старается изобразить покорную овцу, полностью раскаявшегося человека. Чем все это вызвано? Только ли страхом перед возмездием и надеждой хоть как-нибудь облегчить тяжесть наказания? А не скрывается ли за всем этим тон-

¹ Хортисты – приверженцы фашистского диктатора в Венгрии Хорти.

кий умысел? Не прикидывается ли матерый волк птичкой небольшого полета? Не исключен и крайне противоположный вариант: Грончак понял античеловеческую сущность своих хозяев, возненавидел их и не захотел быть орудием в их руках.

Ни один из этих вопросов Зубавин еще не решил для себя. Много труда и времени, чувствовал он, будет потрачено на то, чтобы добраться до истины.

– Куда вас нацелили? – продолжал Зубавин. – На какие объекты?

Карел Грончак подробно перечислил все, что должен был взорвать, что временно вывести из строя, что подготовить к диверсии.

– Не слишком ли это большое задание для одного человека? – спросил Зубавин.

– Я должен был действовать не один, – ответил парашютист.

– Вы чересчур скромны, Грончак, – улыбнулся Зубавин. – Рассказывайте, кто же ваши помощники?

– Нет, что вы, пан майор: я помощник! Уверяю вас.

Дверь кабинета распахнулась, и Зубавин увидел на пороге высокую, плечистую фигуру Громады, начальника войск пограничного округа. Золотая Звезда Героя Советского Союза блестела на широкой груди генерала.

– Вторгаюсь без всяких церемоний, так как кровно заинтересован в знакомстве с этим господином, – генерал Громада кивнул сидящей головой в сторону парашютиста. – Тот самый, что упал с неба?

– Он, товарищ генерал.

Громада мельком взглянул на парашютиста, быстро, не по возрасту легко подошел к поднявшемуся майору, энергично и дружески пожал ему руку.

Зубавин давно знал генерала Громаду. Незадолго до войны, тогда еще рядовой пограничник, Зубавин начал службу на Дальнем Востоке, в отряде, начальником которого был Громада. Первая благодарность за первого задержанного нарушителя была получена им от Громады. Он же, генерал Громада, присваивал Зубавину звание сержанта. Став младшим офицером, работая в штабе отряда, Зубавин изо дня в день учился у генерала Громады сложному и трудному искусству борьбы с нарушителями. Потом война, учеба в академии и, наконец, самостоятельная работа в Яворе.

– Ну, что интересного он рассказывает? – Громада еще раз, теперь внимательно посмотрел на Карела Грончака, который вскочил со своего стула, вытянув руки по швам. – Садитесь!

Грончак сел.

Зубавин протянул генералу мелко исписанные листы. Громада достал очки в роговой оправе, молча прочитал показания парашютиста. Некоторые страницы перечитал дважды.

– Продолжим нашу работу, – сказал генерал, снимая очки и круто поворачиваясь к Грончаку. – Самолет, который вас доставил сюда, был одноместным?

– Нет, что вы, пан генерал! Многоместный. Транспортный. «Дуглас» последней модели.

– И в этом многоместном самолете вы находились один?

Грончак молчал. Генерал и майор спокойно ждали: один набивал трубку табаком, другой что-то чертил на бумаге, и оба, как заметил Грончак, иронически улыбались.

По-видимому, они уже знали, что он прилетел сюда не один.

– У меня были спутники, – сказал Грончак.

– Сколько? – генерал зажег спичку, но не прикуривал.

– Только двое.

– Мужчины?

– Так точно.

– Вы их знали?

– Нет, я видел их впервые.

– Как они выглядели?

Грончак подробно описал внешность своих спутников. Один из них, судя по приметам, был «московский агроном», убитый при задержании; личность второго предстояло выяснить. Этим и занялся генерал.

– Вашего спутника, имевшего фальшивые документы научного работника сельскохозяйственной академии, звали Петром Ивановичем Каменевым. Правильно?

Грончак молча кивнул, и на его побледневшем лице резко обозначились искусственные оспинки: он понял, что попался не один.

– Как звали второго вашего спутника?

Грончак приложил руки к груди и умоляюще посмотрел на генерала и майора:

– Не знаю. Клянусь, не знаю! Он прыгнул раньше, и мы с ним мало разговаривали.

– Мало, но все-таки разговаривали? – Громада закурил, поднялся и прошелся по кабинету из угла в угол. – О чем же вы разговаривали?

– Он сказал: «Надеюсь, Тарута, у вас хорошая память на лица?»

– Всё?

– Перед тем как выброститься в люк, он протянул руку мне и Каменеву и сказал: «До скорого свидания»!

– «До скорого свидания»! – повторил Громада. – Как вы это поняли?

– Мне и Петру Ивановичу Каменеву стало ясно, что мы еще увидимся.

– Где? Здесь, в Закарпатье? В Яворе?

– Этого я не знаю.

– Вы, конечно, запомнили время, когда ваш самолет поднялся в воздух?

– В два тридцать шесть ночи.

– А когда прыгнул ваш спутник?

– Примерно через час.

«Если это верно, – заключил про себя Громада, – то второй спутник Грончака приземлился на венгерской территории. Когда же и каким путем он попадет сюда, в Закарпатье? Самолет теперь уже исключается. Значит, через сухопутную границу. Но если его нацелили на Закарпатье, почему он сбросился над Венгрией?»

– Какой он национальности? – вслух спросил Громада.

– Не знаю. Говорил я с ним только по-немецки.

– И хорошо он владел немецким? Как родным языком?

– Нет, с небольшим акцентом.

– С каким?

– Простите, пан генерал, я не понял.

– Был он знаком с вашими школьными шефами?

– Да, они поздоровались с ним.

– Как именно?

– Не понимаю, – Грончак виновато и заискивающе посмотрел на генерала.

– Я спрашиваю, как поздоровались: небрежно или почтительно? Может быть, как равные с равным?

– По-дружески, – сказал Грончак после продолжительной паузы.

– Как же вы должны были найти друг друга?

– Я сказал, что о встрече никак не договаривались. Поверьте, я больше ничего о нем не знаю, – Грончак скривил губы. – Он барин, а я... черная кость...

Генерал Громада и майор Зубавин переглянулись.

Первый допрос был закончен. Грончака увели.

– Ну? – спросил Громада, глядя на майора.

Зубавин привык понимать генерала с полуслова. Он пожал плечами:

– Верю и не верю.

– Это, конечно, вообще правильно, но иногда надо набраться мужества, смелости и рискнуть поверить даже врагу. На этот раз я должен верить, товарищ Зубавин. Грончак спасает собственную шкуру. Теперь мы должны принять меры к задержанию шефа Грончака.

– Товарищ генерал, разрешите задать один вопрос: вы уже твердо решили, что шеф Грончака попытается проникнуть к нам через сухопутную границу?

– Он обязательно пойдет через сухопутную границу.

– Почему, товарищ генерал? Мне это еще не до конца ясно.

– Давайте разберемся, – Громада взял лист бумаги, начертил черным карандашом конфигурацию венгеро-советской границы и примыкающих к ней государственных рубежей Румынии, Чехословакии и Польши. – Здесь пролегает старая шпионская дорога, по которой на протяжении десятилетий пробирались лазутчики. Здесь, на этом международном перекрестке, на стыке нескольких границ, остались глубоко законспирированные гнезда иностранных разведок, которые...

– Все ясно, товарищ генерал. Барин бросил в Закарпатье пробную черную кость, чтобы не подвергать опасности свои белые косточки.

– Правильно. Если операция с парашютистами провалится, рассудил шеф Грончака, то я, дескать, останусь цел и невредим, вне пределов досягаемости советского правосудия, под защитой тайных друзей...

– Если же все будет в порядке, – подхватил Зубавин, – то он незамедлительно сухопутным, испытанным путем прибудет на место назначения.

– Верно, – согласился генерал. – Шеф Грончака должен получить сигнал от «Медведя», что все в порядке.

– Об этом я уже позаботился, товарищ генерал.

– Вот и хорошо. Об остальном мы позаботимся. До свидания!

Части генерала Громады охраняли границу на протяжении нескольких сот километров по берегам рек и речушек, в неприступных горах, укрытых вечными снегами, на альпийских лугах, в зеленых тихих и солнечных долинах, на черных землях равнины, по окраинам городов, по околицам деревень.

Куда пойдет нарушитель – тот самый, которого парашютист Карел Грончак видел в самолете? Какое направление покажется ему наиболее выгодным? Богатый опыт генерала Громады говорил о том, что эти вопросы могут и должны быть разрешены.

Диверсант, шпион, связист служат одному хозяину, действуют по его указке. Стало быть, не пренебрегая изучением повадок каждого нарушителя, надо прежде всего знать главное: повадки их хозяина и цель, к которой он стремится.

Почти все нарушители, с какими Громаде пришлось иметь дело в последние годы, выползали из одного гнезда. Громада знал не только географические пункты, где снаряжались лазутчики, но и тех, кто обучал и снаряжал их. Зная это, он мог предвидеть, как они будут действовать в том или ином случае.

Стремясь прочно обосноваться в Закарпатье, рассуждал Громада, иностранная разведка, конечно, прежде всего будет интересоваться Явором. Лазутчик, специализировавшийся на железнодорожных диверсиях, – тем более.

Взгляните на карту Закарпатской области. Не задерживайтесь на известных городах: Ужгороде, Мукачеве, Хусте, Рахове. Обратите внимание на черную извилистую линию железной дороги, рассекающую светло-коричневое пятно гор и закарпатскую равнину. Вот где-то здесь, у Тиссы, на стыке Карпатских гор и венгерских степей, и находится Явор.

Со станции Яворезда уходят в пяти направлениях: на север – в Карпаты и дальше – на Львов, Киев, Москву; на северо-запад – к горным районам Польши; на запад – в Чехословакию; на юго-запад – в Венгрию; на юго-восток – в Румынию.

«Пять частей света» – так называли железнодорожники яворский узел, эти главные закарпатские пограничные ворота.

Ежечасно в Явор прибывают поезда из-за границы или из глубинных районов нашей страны. Никогда не пустуют ширококолейные и узкоколейные пути товарного парка. Днем и ночью не прекращает своей напряженной работы перевалочная база. Подъемные краны, лебедки и артели грузчиков перекантуют импортные и экспортные грузы.

На путях Явора можно видеть не только узкоколейные, с покатыми черными крышами заграничные вагоны, но и людей в заграничной железнодорожной форме: кондукторов, поездных мастеров, паровозников, коммерческих агентов.

Неподалеку от вокзала стоит большой благоустроенный дом-гостиница, где отдыхают заграничные бригады.

В обширных вокзальных залах Явора – таможенном, концертном, ресторанном, в зале отдыха, – всегдалюдно, шумно, одна людская волна сменяется другой.

Всякий нарушитель, перейдя границу, стремится как можно скорее достигнуть пункта, где бы он мог затеряться в большом людском потоке. А в Яворе ожидаемому лазутчику затеряться легче всего.

Несколько часов совещался генерал Громада со своими офицерами, выяснял и уточнял обстановку. Выработалось единодушное мнение.

Огромное пространство границы было условно сужено до небольшого, в несколько километров, коридора и объявлено особо важным направлением. В этот временный коридор вошли город Явор, прилегающий к нему горнолесистый район и часть равнинного берега Тиссы. В этом коридоре ожидался безымянный шеф Карела Грончака.

Весь следующий день велась подготовка задуманной операции.

Всякий, кто не знал Громаду как строевика, как боевого командира, как неумоимого солдата, глядя сейчас на самозабвенно занятого своим делом генерала, вправе был сказать, что начальник войск рожден для работы с карандашом и картой, что это его родная стихия, что он штабист до мозга костей, и только штабист.

Но так не сказал бы тот, кто видел Громаду на границе, на заставе: поверяющим дозор, разжигающим свою трубку в солдатской сушилке, беседующим с пограничниками в комнате политпросветработы, шагающим с начальником заставы по его участку.

...Прошла неделя, а лазутчик, для встречи которого была проведена большая работа, не появлялся. Все было спокойно на яворском участке.

Громада ждал. Его солдаты зорко охраняли яворский коридор.

Глава 2

В те же мартовские дни на карпатских вершинах, в одной из глубоких пропастей у подножия Ночь-горы, вокруг которой вьется автомобильная дорога, был обнаружен убитый человек. Судя по нежной коже на лице, по светлым кудрям, по крепким и белым зубам, он прожил на свете не более двадцати пяти – двадцати шести лет. Человек был умерщвлен предательски: его ударили каким-то тяжелым металлическим предметом в затылок, размоzzив череп. Потом уже, когда он упал, ему расчетливо нанесли две ножевые раны в грудь, раздели догола и бросили с обрыва в заснеженную пропасть.

Осматривая труп, майор Зубавин обратил особое внимание на кисть правой руки. Она была жестоко изуродована – тоже, как определил Зубавин, после убийства. Зачем? Конечно же, для того, чтобы устранить надпись, которая была вытатуирована на тыльной стороне ладони. Убийцы не до конца оказались предусмотрительными, им что-то помешало: они уничтожили большинство букв татуировки, но одна буква – «Е» – все же ясно читалась.

Зубавин приказал тщательно обыскать местность, прилетающую к Ночь-горе. Неподалеку от места происшествия была обнаружена единственная улика: полузасыпанная снегом цветная фотография, вырезанная из журнала «Огонек» и наклеенная на плотный глянцеви-тый картон с золотым обрезом. На фотографии изображалась Терезия Симак, всем известная девушка из пограничного колхоза «Заря над Тиссой», Герой Социалистического Труда. Принадлежала эта журнальная вырезка именно убитому или кому-нибудь другому? На этот вопрос, как и на многие другие, пока не было ответа. Не прояснила дела и сама Терезия Симак, приглашенная на беседу к майору Зубавину. Он положил перед ней увеличенный снимок убитого и спросил:

– Вы встречались с этим человеком?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Подумайте хорошо. Может быть, все-таки когда-нибудь хоть один раз встретились?

– Нигде. Ни разу. Я не знаю, кто он такой.

Несмотря на большие и долгие усилия следственных органов, установить личность убитого тогда не удалось, и он был похоронен как безвестный. Только через длительное время, благодаря усилиям многих людей, выяснилось, что убит был Иван Федорович Белограй.

Экспресс, в котором выехал из Москвы Иван Белограй, состоял из синих цельнометаллических вагонов с эмалевыми трафаретами: «Москва – Будапешт – Вена», «Москва – Прага», «Москва – Явор».

Тяжелые шторы и легкие занавески на ярко освещенных окнах были распахнуты, и Белограй хорошо видел пассажиров, устраивающихся на временное местожительство. Так как Белограй был человек общительный и любопытный, то он не спешил войти в свой вагон.

Молодые люди, по-летнему загорелые, в одинаковых спортивных костюмах – в синих, плотной шерсти шароварах, собранных на щиколотке, и куртках с золотыми гербами СССР на груди, – теснились у открытых окон одного из вагонов.

Как мог Белограй, гиревик и волейболист, несколько раз представлявший Советскую Армию на физкультурных парадах, не узнать мастеров спорта, известных всей стране!

– Смотри, капитан, – напутствовал футболистов один из провожавших, – в воскресенье надеемся услышать по радио, что над пражским стадионом взвился красный флаг победителя. Мы уже с баткой и по сто граммов приготовили. Выпьем за ваше здоровье!

– Вы-то, может быть, и выпьете, а вот мы... Наш Иван Трофимыч скоро крем-соду объявит алкогольным напитком.

Белограй, улыбаясь, пошел дальше.

У следующего вагона стояли, робко взявшись за руки, совсем молодой лейтенант и девушка. Надолго, по-видимому, разлучались влюбленные. Им хотелось обнять друг друга, да так и простоять, обнявшись, до самого отхода поезда, но они никак не могли решиться на это на глазах у такого количества людей.

Белограй некоторое время молча, с доброжелательной улыбкой наблюдал за этой парой, потом шагнул к парню и девушке, распахнул шинель и, повернувшись к ним спиной, командовал:

– Прощайтесь!

Влюбленные засмеялись и вдруг почувствовали, что тяжелая их неловкость бесследно исчезла.

Проходя мимо следующего вагона, Белограй обратил внимание на двух молодых женщин в котиковых шубках. Они стояли у окна и так сосредоточенно разглядывали дорожную карту, словно им предстояло идти пешком, без дорог, по пустынной местности, а не ехать в поезде, по давно известным, благоустроенным путям. Иван Белограй улыбнулся сестрам или подругам и пошел дальше.

Он задержался еще раз, увидев большую, человек в пятнадцать, группу молодых китайцев, одетых в одинаковые синие блузы. Высокие и худощавые, кряжистые и мускулистые, черноволосые, шафранно-смуглые, они окружили седоголового человека с молодежью лицом и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда на груди и внимательно слушали то, что он им рассказывал. Девушка в очках, с гладко зачесанными, будто лакированными волосами оживленно переводила с русского. Алые пухлые ее губы не закрывались ни на одно мгновение, а руки то и дело стремительно взлетали вверх, словно выпуская на волю птиц.

Еще пять минут, и экспресс отправится в свой далекий путь – через подмосковные заснеженные леса, по весенней украинской земле, через Днепр, мимо Киева и Львова, через хребты Карпат, к пограничным берегам многоводной мутной Тиссы, к Большой Венгерской равнине, к зеленым холмам Восточной Словакии. Чуть ли не трое суток предстоит быть Белограю в дороге. Как жаль, думал он, что кассир выдал ему билет не в тот вагон, где едут китайские парни и седоголовый человек с Золотой Звездой. Сколько, наверно, интересного довелось бы ему услышать...

Белограй вошел в свой вагон. Проходя по коридору, он задержал взгляд на пожилой женщине в темном платье. Лицо ее показалось Белограю удивительно знакомым, но он не мог вспомнить, где и когда видел ее.

Поезд тронулся.

Соседом Белограя по двухместному купе оказался худощавый, бритоголовый человек в роговых очках. Белограй быстро и легко сходил с людьми. Он протянул руку своему спутнику, назвал себя. Тот, в свою очередь, отрекомендовался:

– Стефан Янович Дзюба.

– Как? – переспросил Белограй.

– Стефан Янович Дзюба. Дзюба! Председатель правления яворской артели по производству красной, то есть стильной, мебели.

– Гм!.. – Белограй прищурил свои веселые синие глаза. – Стефан Янович Дзюба?.. По имени вы как будто мадьяр, по отчеству – чех или поляк, а по фамилии – украинец. Интересно, какой же вы все-таки национальности?

– Закарпатец.

– Что это за новая национальность? Не слыхал про такую.

– То есть, извиняюсь, украинец, русин по-стародавнему, – Дзюба помолчал. – Имена Стефана и Яна приклеили нам, Дзюбам, не по нашей воле. Вы же знаете, что закарпатской землей на протяжении десяти веков владели то мадьярский король, то австрийская корона, то чехо-

словацкий президент. Австрийцы нас называли Карлами и Рихардами, мадьяры – Шандорами и Стефанами.

– Это верно, – согласился Белограй. – Но ничего у них не вышло: украинцы остались украинцами.

– Точно, – подтвердил Дзюба и энергично закивал своей бритой головой. – А вы? – спросил он минуту спустя. – Вы, конечно, чистокровный русак?

– А кто же его знает! В анкетах пишу, что русский, хотя фамилия...

– Обращай внимание не на ярлык, а на содержание, – пошутил Дзюба.

Он снял свои роговые очки и добрыми близорукими глазами, глубоко спрятанными под седыми бровями, весело смотрел на здорового, крепкого молодого человека.

– Смотрю вот я на вас, Иване, и гадаю: где ваши корни? Должно быть, вы родились где-нибудь там, под северным сиянием, в светлой хижине лесника, на берегу синего-синего озера, среди белых берез. Мать купала вас в череде...

Белограй засмеялся:

– Вот и ошиблись! Родился я не на севере, а на юге, в Николаевской области, на берегу моря, в просоленной рыбацкой хибаре...

Проводник принес постельное белье.

Белограй быстро, по-солдатски, разделся и нырнул под одеяло. Улегся и его сосед.

– Вспомнил! – вдруг воскликнул он вскакивая. – Стефан Янович, вы знаете эту женщину в черном платье, что едет в соседнем купе?

– Нет, не знаю, – с сожалением сказал Дзюба. – А кто она?

Белограй опять лег, запрокинув сильные свои руки за голову, и, глядя в потолок, в какую-то одну точку, заговорил:

– Представьте глухой полустанок на сибирской магистрали. Тайга. Снега в рост человека. Метели. Письма с фронта идут очень долго. Шесть месяцев ждала Вера Гавриловна письма от своих сыновей – близнецов Виктора и Андрея. И вот как-то разрывает она казенный конверт...

– Погибли? – сочувственно спросил Дзюба.

– В один день получили звание Героя Советского Союза за форсирование Дуная и в один день погибли. Похоронили их вместе у подножия двух гор. Их называют теперь гора Андрея и гора Виктора, – он помолчал. – Каждый год, весной, на сибирский полустанок приходит конверт с иностранными марками... Вера Гавриловна достает из-под кровати чемоданчик, укладывает в него подарки друзьям и едет за десять тысяч километров, чтобы поклониться горе Андрея и горе Виктора, своей рукой посадить цветы на могиле сыновей. В мае она возвращается домой.

– Наверно, там, за границей, вы и видели ее? – спросил Дзюба.

– Да, она приезжала к нам в Берлин.

– А твоя матка, що купала тебя в череде, где она? – вполголоса спросил Дзюба.

Белограй долго не отвечал. Дзюба терпеливо ждал.

– Нет у меня матери, – наконец откликнулся Белограй.

– Умерла?

– В Ленинграде. От голода.

– Отец?

– Погиб на Курской дуге.

Дзюба сочувственно помолчал, потом спросил:

– Братья?

– Никого нет, все погибли.

– Значит, – настойчиво продолжал Дзюба, – если господь бог вознесет Ивана Белограя в рай небесный, то на земле по нем никто и не прольет горьких слез?

– Прольет! В рай я собираюсь не раньше, чем обзаведусь полдюжиной сыновей.

Белоград погасил верхний свет и решительно повернулся к стене.

Проснулся он рано: в окнах вагона чуть брезжил туманный весенний рассвет. Иван Белоград бесшумно спустился с верхней полки и осторожно, на цыпочках, боясь разбудить своего спутника, вышел из купе.

Вера Гавриловна уже стояла у коридорного окна – в халате, с темным пуховым платком на плечах, седоголовая.

За окнами, в облаках тумана, – без конца, без края заиндевевшие брянские леса. Изредка проплывали в молочной мгле пепельно-сизые бревенчатые избы, красные домики путевых обходчиков, силосные башни, корпуса машинно-тракторных станций. Вдоль железнодорожного полотна часто зияли огромные воронки, полные черной воды, с белыми ледяными закраинами. Может быть, отсюда, с брянской земли, и начали свой военный поход братья-близнецы Мельниковы, Андрей и Виктор? От Центральной России до Центральной Европы. Должно быть, о их пути и думала осиротевшая мать, глядя в туманное окно.

– Доброе утро, Вера Гавриловна!

Седоголовая женщина с удивлением обернулась.

Лицо Белогрда, хорошо выбритое, натертое докрасна, было приветливым. И весь он, подтянутый, в мундире без погон, с орденами на груди, аккуратно причесанный, с сияющими глазами, был такой молодой, свежий, родной, что суровая Вера Гавриловна не могла не ответить улыбкой на его улыбку...

– Как быстро вы покоряете людей! – с восхищением проговорил Дзюба, когда Белоград вернулся в купе.

По лицу Белогрда пробежала тень неудовольствия. Он достал коробку «Казбека»:

– Курите, папаша!

– Спасибо, не курящий, – Дзюба положил ему руку на плечо. – Береги и ты свое здоровье, сынок, не сноси эту гадость натошак. Давай позавтракаем, а тогда и дыми в свое удовольствие, – он потер ладонью о ладонь. – Имеется любительская колбаса, черная икорка, сыр и даже... коньячок. Закрывай дверь, и будем пировать.

– Не откажусь.

Завтракая и выпивая, Дзюба обратил внимание на надпись, сделанную на тыльной стороне кисти руки Белогрда. Некрупными красивыми буквами было вытатуировано «Терезия» – женское имя, широко распространенное в Закарпатье.

– О, друже, – воскликнул Дзюба, – да ты уже породнился с нашими дивчатами! – он подмигнул, указывая на татуировку. – Еще нареченная или уже законная жена?

– Не то и не другое.

Через два часа Дзюба осторожными вопросами вытянул из охмелевшего Белогрда все, что ему было необходимо.

Дзюба получил из-за границы, от своих давних шефов, инструкции срочно достать, не останавливаясь ни перед чем, «абсолютно нужные» документы советского человека в возрасте двадцати пяти – двадцати восьми лет. Белоград оказался как раз таким человеком. Идеальная находка! И месяца не прошло, как гвардии старшина демобилизовался. Пять лет сверхурочно прослужил в Берлине. Еще бы служил, если бы не исключительные обстоятельства. Дело в том, что его жизненные планы спутала молодая колхозница Терезия Симак, Герой Социалистического Труда, фотографию которой он увидел в журнале.

В первом своем письме он поздравил Терезию с высокой наградой и коротко рассказал о себе. Сообщил ей, что, «между прочим, собственноручно в тысяча девятьсот сорок четвертом году, в октябре, выметал гитлеровскую нечисть с той самой земли, на которой Терезия дает теперь рекордные урожаи. Так что, хорошая дивчина, не забывай, кому ты обязана своим героизмом», – гласила шуточная концовка письма. Терезия откликнулась на его послание. Так завязалась переписка. Ни с той, ни с другой стороны насчет чувств ничего не было сказано.

Но в каждом письме Белограй искал чего-то между строк и находил, как ему казалось. Кончилось дело тем, что он, когда вышел срок службы, демобилизовался, выехал в Москву и, пожив несколько дней у своей дальней родственницы, троюродной тетки, направился в Закарпатье.

Предусмотрительный Дзюба выяснил и такую важную деталь: Белограй не посылал Терезии ни одной своей фотографии.

– Почему? – спросил Дзюба.

– Так... Разве мертвая фотография может заменить живого человека!

– Это верно, и все же ты мог хоть приблизительно проверить фотографией, пришелся ли ей по вкусу.

– Бумагой такое не проверяется.

– Слушай, Иван, – допытывался Дзюба, – как же ты решился на демобилизацию и на такую вот поездку, не зная, любит она тебя или нет?

– Как не знаю! Конечно, на расстоянии, заочно, по-настоящему влюбиться нельзя.

– Вот-вот! Значит, у тебя нет никакого основания рассчитывать...

– Я ни на что не рассчитываю, а от надежды-матушки не отказываюсь, – он снисходительно улыбался собеседнику, неспособному, как видно, разбираться в сердечных делах...

Веселый, в меру хмельной, Иван Белограй вскоре переключался в соседнее купе. Через час он перезнакомился со всеми пассажирами вагона. Скромный, застенчивый человек – московский каменщик – направлялся в Венгрию на стройки пятилетки передавать свой стахановский опыт. Певица ехала на гастроли в Прагу. Инженера-полковника вызывали в Закарпатье для приемки моста, построенного в горном ущелье по его проекту.

Юноши и девушки оказались делегатами венгерского Союза трудящейся молодежи. Они возвращались из Сталинграда. Каждый хранил какое-нибудь вещественное доказательство своего пребывания в прославленном городе: пачку фотографий, книгу сталинградского новатора с автографом, модель трактора, слиток сталинградской нержавеющей стали, гвардейский значок, пробитый пулей.

В купе, где разместились руководители венгерской делегации, Белограй увидел красное знамя на трубчатом, сделанном из нержавеющей стали древке. Сталинградские комсомольцы начертали на знамени свое послание будапештским комсомольцам: «Друзья! Братья! Под этим знаменем мы построим коммунизм»!

– Я тоже воевал под этим знаменем! – Белограй тронул край алого бархатного стяга. – В Сталинграде. На Курской дуге. На Днепре. На Тиссе. На Дунае. В Берлине. Понимаете?

Венгры энергично закивали головами и посмотрели на гвардейский значок Белограя, на его орден и медали.

Иван Белограй не отходил от венгров, пока не выучил десятка три венгерских слов. С их помощью он попытался без переводчика поговорить со своими новыми друзьями. Будапештские комсомольцы весело смеялись над его безбожным коверканьем венгерского языка, но все же отлично понимали, что он говорил, и поощряли его старание.

Легко подружился Белограй и с китайцами. Смуглолицые, черноволосые, в мягких черных фуражках, маньчжурские комсомольцы, закаленные солдаты, нанкинские лодочники, шаньдунские шахтеры и мукденские железнодорожники стремились посмотреть каждый крупный город, встречающийся на их пути. Они веселой гурьбой выскакивали из вагона и, окружив китайку-переводчицу, торопились на привокзальную площадь и на ближайшие к вокзалу улицы и переулки.

Иван Белограй примыкал к ним и добровольно, в меру своих способностей, исполнял роль экскурсовода.

В Киеве китайцы, сопровождаемые Белограем, сели в большие открытые машины и укатили в город. К отходу поезда они не вернулись.

Стефан Дзюба тем временем, запершись в своем купе, тщательно исследовал содержимое чемодана Белограя. Он ничего не оставил без внимания, стараясь понять, какое место занимал в жизни бывшего гвардии старшины тот или иной предмет: настольные часы-будильник с прикрепленной к ним белой пластинкой и дарственной надписью, боксерские перчатки, старенькая бритва с тонким, вконец сработанным лезвием, круглое, в форме металлического диска зеркало с фотографией Терезии на обратной стороне, книги и блокноты. С особым интересом Дзюба просматривал письма, записные книжки. Толстая тетрадь в клетку в черной клеенчатой обложке надолго приковала его к себе. Это был дневник Белограя, который он вел с первого дня фронтовой жизни. Пропустив сорок первый, сорок второй и сорок третий годы, Дзюба начал лихорадочно листать страницы, на которых излагались события лета и осени 1944 года, события, непосредственным участником которых был Белограй: горная война в районе Карпат, на поднебесных полонинах – пастбищах Закарпаття, на железобетонной «линии Арпада»² и в долине реки Тиссы. Подробные записи иллюстрировались самодельными схемами. По-видимому, Белограй писал или собирался написать историю своей части.

Особый интерес Дзюбы вызвала книга, лежавшая в чемодане, – томик сочинений Юлиуса Фучика.

«Великолепно! Лучшего и ждать нельзя»!

Дзюба аккуратно положил чемодан на то место, где его оставил Белограй, и, распахнув дверь купе, с безмятежной улыбкой на добрых морщинистых губах вышел в коридор: он был уверен, что Белограй и китайцы догонят закарпатский экспресс.

Диктор поездного радиоузла сообщил, что поезд ввиду ремонта мостов в Карпатах направляется в Явор кружным путем.

Ранним вечером синий экспресс, до глянца помытый украинскими дождями, медленно входил под высокие стеклянные своды львовского вокзала. Пассажиры нетерпеливо толпились у окон вагонов. И когда на перроне под большим матовым шаром фонаря показалась группа отставших китайцев, а среди них и Белограй (всех их доставили во Львов самолетом), пассажиры замахали руками, платками, шляпами.

Стефан Дзюба изо всех сил старался, чтобы его ликование бросилось в глаза Белограю, и он добился своего: тот в ответ помахал ему фуражкой, дружески улыбнулся.

На перроне Дзюба сообщил Белограю новость.

– Выяснилось, – сказал Дзюба, – что экспресс не может следовать напрямик: на пути временный деревянный мост заменяется новым, капитальным. Придется спускаться на закарпатскую равнину кружной дорогой, через Татарувский и Яблоницкий перевалы, а дальше автобусами пробираться вдоль Тиссы. Какая досада! – Дзюба щелкнул пальцами. – Еще чуть ли не двое суток дороги, а мне завтра – понимаешь, завтра, – надо быть дома! Эх, если б машина – часа через четыре были бы уже по ту сторону Карпат!

– С приездом, Стефан Янович!

Дзюба с удивлением обернулся. Перед ним стоял высокий черноусый человек в помятой замасленной шляпе, в кожаном шоферском пальто, в кожаных перчатках и с теплым шарфом, обмотанным вокруг шеи.

– Вот это сюрприз! – радостно воскликнул Дзюба. – За мной?

– Как видите, – шофер улыбнулся из-под прокуренных усов, показывая металлические зубы. – Правление артели ждет вас не дожидется!

– Прекрасно! Поехали! – Дзюба круто повернулся к Белограю. – А ты, сынок? ... Если желаешь перемахнуть Карпаты на машине, то и для тебя найдется место.

– С удовольствием! Какой дурак откажется от такой поездки! Одну минуту подождите, пожалуйста, я сейчас вернусь.

² Фашистская линия укреплений в Карпатах.

Иван Белограй вскочил в свой вагон. Взяв чемодан, он зашел в соседнее купе:

– До свиданья, Вера Гавриловна! Желаю счастливой дороги. На обратном пути заезжайте в гости. Я собираюсь пустить корни в Закарпатье.

Он смущенно улыбнулся, достал записную книжку, что-то написал в ней и, вырвав страничку, протянул женщине:

– Ищите по адресу: колхоз «Заря над Тиссой», Гоголевская, девяносто два, Терезия Симак. Любую справку получите у этой дивчины.

Вера Гавриловна нежно и грустно посмотрела на ровесника своих сыновей:

– Что ж, сынок, может быть и заеду.

Глава 3

На ярко освещенной площади львовского вокзала, у чугунной ограды сквера стоял неказистый с виду трофейный грузовик, принадлежавший яворской артели по производству стильной мебели. Просторная кабина «мерседеса» легко вместила троих. Черноусый, в кожаном пальто человек, механик Скибан, как его называл Дзюба, сел за руль. Белограя пригласили занять место посередине. Справа по-хозяйски разместился Дзюба. Он с наслаждением вытянул ноги, подобрал под себя пальто и улыбнулся глазами из-под толстых стекол роговых очков:

– Поехали, механик.

Хлынул яркий поток света на омытый дождем булыжник, зашуршали шины; поплыли слева и справа голые каштаны и дома, выложенные глазированными плитами, промелькнули темные стрельчатые ажурные башни костела, прощально прозвенели красные трамвайные вагончики. Машина выскочила на безлюдную дорогу, густо огороженную хмурыми, голыми тополями. По обочинам сразу же за шеренгой деревьев поднимались отвесные кручи весеннего тумана. Убегали назад желтые щиты дорожных указателей.

Скибан сосредоточенно склонился над рулем. Белограй курил, вглядываясь в дорогу. Дзюба молча затаился в своем углу, как бы дремля. Он был уверен в полном осуществлении своего замысла.

Машина безостановочно мчалась на юг, к Карпатам. Деревня за деревней оставались позади. Всё пустыннее и темнее улицы. Вот прорезал жидкую туманную мглу последний, забытый, наверно, огонек в придорожной хате, крытой замшелой соломой, с аистом на гребне, и машина покатила в темноте, освещая узкую полосу дороги.

Туман отступил от дороги. Разбежались с обочин и деревья, оголилось шоссе. Асфальт сменился хорошо укатанной щебенкой. Громче зашуршали шины. Ветер, до этого неслышный, завыл в ребрах стекол. Потянуло холодом. Воздух стал чище, яснее. На небе вырезались яркие зимние звезды, а на земле, у самого горизонта, показались темные и высокие горы, увенчанные двумя зубцами.

– А вот и долгожданные Карпаты! – проговорил Белограй, хлопая кожаными перчатками одна о другую. – Здорово, Верховино! Давненько мы с тобой не видались!

Карпатские предгорья быстро приближались, вырастали. Машина побежала между кудрявыми холмами. Потом круто, почти под прямым углом, свернула влево. Взвизгнули на повороте шины. Голова Белограя упала на плечо Дзюбе.

– Держи ее крепче, а то улетит, – усмехнулся мебельщик.

Машина сбавила ход. Она поднималась в гору, выбрасывая из-под колес мелкие камешки и похрустывая по ледяным лужицам. Новый поворот – и еще круче стала дорога, пробитая по горному склону. Там, где она изгибалась, ныряя в гущу деревьев, вспыхнули в лучах автомобильных фар два камня-самоцвета.

– Лиса! – страстным шопотом вскрикнул Белограй. Камни-самоцветы погасли. Лиса не спеша, ленивой трусцой спустилась на обочину, исчезла в лесу.

Гора поднималась над горой. Все они были черными внизу, у подножия, серыми – посередине, а к вершине – чисто-белыми. Снега опускались ниже и ниже, все чаще машина шла на второй скорости. Вот снега сползли уже к самой обочине, а через километр укрыли всю дорогу. Тишина. Сонные огромные ели понуро, до самой земли развесили лапчатые ветви, опущенные белым. На столетних дубах – ни снежинки. Толстые, в два обхвата, стволы. Сухие пепельно-мшистые сучья. Кое-где червонели в лунном свете железной крепости листья: в течение всей осени и зимы самые лютые ветры, беспрестанно хлещущие по северным склонам Карпат, бес-
сильны были сорвать их.

Белограй не отрываясь смотрел в окно. Он родился в степной Украине, на берегу моря; большую часть жизни, до совершеннолетия, прожил в Москве; недолго воевал в Закарпатье. И все же как сильно полюбил он этот горный край, с каким наслаждением дышал горным воздухом! Он не переставал любить этот прекрасный уголок советской земли и там, в далеком Берлине. В полковой библиотеке он перечитал все книги, содержащие хоть какие-нибудь сведения о Закарпатье.

...Горы и горы поднимались слева и справа, впереди и позади. Поднебесные. В седых кудрях лесов. С голыми каменными головами. Лобастые. Одна подпирала другую. Горы-братья. Горы-семьи. Одиночки. Куда ни смотрел Иван Белограй, всюду он видел горы, знакомые, изрядно исхоженные в незабываемые дни октября 1944 года.

– Верховино, свитку ты наш...

Если ты не пролил свою кровь среди этих гор, если ты их не любишь, то, разумеется, они для тебя все на одно лицо, ты не отличишь Горганы от Высоких Бескид, Говерлу от Поп-Ивана, а Маковец от Петроса.

Белограй видел и чувствовал Карпатские горы, как людей. У каждой из них не только разные имена, но и свой незабываемый профиль, характер, свое место.

Он толкнул своих спутников – механика левым локтем, председателя артели правым.

– Ну-ка, землячки, прошу ответить на такой деликатный вопрос: мимо каких гор мы с вами проезжаем? Как они называются?

Шофер осторожно покосился на окно, пожал плечами. Дзюба, сладко зевая, ответил:

– А кто ж его знает, что это за горы! У нас их столько, как муравьев, вот и разберись, какая как прозывается!

Иван Белограй рассмеялся:

– Вот тебе и человек «закарпатской национальности»! Эти горы называются Горганами. Как же так, Стефан Янович, не знать свой родной край! – он помолчал, потом сказал. – На этих вершинах похоронены два моих друга, там и Белограй пролил свою кровь.

За крутым поворотом дороги, на фоне заснеженных зарослей кустарника и молодой поросли елочек, показался каменный, граненый, с усеченной вершиной и массивным четырехугольным основанием столб – одинокий свидетель исчезнувшей государственной границы между Польшей и Чехословакией.

– Ну вот мы и на перевале! – произнес шофер. Это были его первые слова, которые услышал Белограй.

Механик притормозил машину и вопросительно посмотрел на Дзюбу. Тот блеснул глазами из-под очков и коротко бросил:

– Рано еще.

– Что? – спросил Белограй.

– Рано, говорю.

– Что рано?

– Перекур делать.

– Правильно, поехали дальше, – беспечно откликнулся Иван Белограй.

Брезентовый верх кабины безотказного, неутомимого «мерседеса» сдвинут гармошкой к кузову, и Белограю хорошо видно высокое темно-синее небо, густо усыпанное крупными яркими звездами. Весь их веселый, праздничный свет, казалось ему, был направлен на перевал.

– Вы помните первое путешествие Фучика в Советский Союз? – спросил Белограй.

– А разве он был в России? Он никуда не уезжал из Явора. Всё сколачивал кроны.

– Фучик? Да вы знаете, кто он такой?

Дзюба отлично знал, кто такой Юлиус Фучик, он догадывался, какое место занимал в сердце Белограя этот чешский герой, но решил поиздеваться над восторженным парнем.

– Фучика я давно знаю! – оживленно откликнулся Дзюба. – Он жил в Яворе, на улице Массарика, содержал первоклассную кондитерскую. Я любил лакомиться его пирожными...

– Да не тот это Фучик, не тот! – на лице Белограя появилось страдальческое выражение. – Я говорю про Юлиуса Фучика, коммуниста, героя Чехословакии.

– А!.. – виновато улыбнулся Дзюба.

Белограй вытащил из-под своих ног чемодан, быстро разыскал в нем книгу в тёмно-красном переплете:

– Включи свет, механик. Слушайте: «Эй вы, апрельское солнце и пограничные холмы, вы радуете нас! Пять туристов шагают по весенним тропинкам, восхищаются, как и положено, красотами природы, а сами думают о том, что лежит за тысячи километров впереди. А вот и самая большая достопримечательность – пограничный каменный столб! Этот замшелый камень множится в нашем воображении, сотни их вырастают в мощную стену, она высится над нами, она выше деревьев. Как мы перелезем через нее?»

Читал Иван Белограй выразительно, быстро, легко и почти не заглядывая в книгу. Вообще все, что касалось Закарпатья, в его устах звучало как песня.

Механик и Дзюба терпеливо слушали. Единственное, что они позволяли себе, – незаметно переглядываться друг с другом и усмехаться глазами.

Спуск с северной цепи хребтов крутой, обставлен ребристыми скалами, нависающими над поворотами дороги. Но с каждым новым километром все меньше зигзагов, дальше отступали голые утесы, заметно снижались горы. Вот и настоящая долина с рекой, поймой, лугами. Пологие склоны горы от подножия до вершины покрыты бесснежными теплыми пашнями. Кажется, они даже теперь, ночью, излучают накопленное за день тепло.

Долина переходит в долину, одна другой шире, привольнее. Чаше и крупнее населенные пункты. Ручьи и речушки уменьшали свой бег и текли не перпендикулярно горам, как на Горганах, а вдоль их подножия.

Это самая благодатная земля Карпат.

Машина вскочила на мост, переброшенный через пропасть, разделяющую подножия двух гор.

– Помнишь, товарищ Белограй, это местечко? – спросил бывший гвардии старшина и сам себе ответил. – Как же не помнить! Во-он там, на самой верховине, в пастушьей колыбе наша разведывательная группа дневала. Вечером мы спустились в это ущелье. Ночью пробрались по дну Латорицы к мосту и... и на все Карпаты прогремел наш гвардейский гром... Стоп, механик!

Машина плавно остановилась.

– Чуешь?

Белограй замер с улыбкой на губах, слушая тишину. Где-то далеко в горах стонал одинокий голос пастушьей дудки. А может быть, это и не дудка, а струя ветра, расщепленная буковой веткой или голым ребром скалы.

– Чуешь? – повторил Белограй. – Еще и теперь аукается в Карпатах тот весенний гром... Поехали, механик.

Спуск кончился. Долины остались позади. Горы вырастали. Снова дорога запетляла на крутых подъемах. Начиналась вторая, стержневая цепь хребтов, могучая ось Украинских Карпат – Полонины³. Высоко взметнулись Полонины и далеко – на сто восемьдесят километров в длину, от реки Уж до Тиссы, и на десятки километров в ширину. Чуть ли не половину всей Закарпатской области они заполнили собой. На юго-востоке Полонины замыкаются знаменитой горой Говерлой, высотой свыше двух тысяч метров, а на северо-западе – дикими отвесными песчаниками Лаутинска Голица. Между ними тянутся крупные, массивные хребты с плоскими,

³ Высокогорные пастбища.

куполовидными, безлесными вершинами, на лугах которых можно разместить неисчислимые стада. Прорезают облака своими острыми пирамидами и пиками только горные гнезда: Свидовец, Котел-Вельки, Ближнице, Петрос – сооружения ледниковой эпохи. По склонам этих гор лежат голубые, прозрачные до дна озёра, названные верховинцами «мирское око». На вершинах гор Свидовца тысячи лет трудился великий мастер чудесных дел – природа. Ледяными резцами, кропотливой работой воды и лучами солнца созданы там глубокие, с отвесно падающими стенами чаши – горно-ледниковые цирки. Каменные днища их покрыты слоем земли, густой сочной травой, кустарниками можжевельника и цветами. Это лучшие в Закарпатье пастбища – летние храмы горных пастухов.

...Медленно падали снежные пушинки. Сквозь их тихий рой виднелось прозрачное, хрупкое, как первый лед на горных озерах, небо. Круглый месяц безостановочно, не находя опоры своим обкатанным бокам, мчался по скользкой выпуклости и вот-вот, казалось, готов был сорваться, рухнуть на зубцы гор и вдребезги рассыпаться. Какой бы тогда печальный звон хлынул по долинам и ущельям, как бы сразу темно и пустынно стало в Карпатах!

Месяц не падает и час, и два, летит, светит и светит... Вокруг высокогорные чистейшие снега, край белизны, не запятнанной даже маковым зернышком. Всё в снегу: земля, деревья, горы, камни, склоны, дорога. Каждая былинка прошлогодней травы, каждая еловая иголочка – все обсыпано снегом, всё в его чудесном блеске. Снег нерушимо лежит на ветках, слой за слоем – ноябрьский, декабрьский, январский, мартовский, от первого осеннего до последнего весеннего.

Неделями, месяцами сюда не заглядывал ветер. Здесь неприступная зона тишины, ее гнездо, колыбель.

Тишина и зубчатые скалы, валуны и кустарники, деревья и снег. Снег пушисто-невесомый, кубический, пластообразный, снег глыбистый, снег плиточный, снег, искрящийся гранитной крошкой, снег – лебединые крылья, снег, окаменевший в самых причудливых формах, снег, увенчавший все большие и малые выпуклости, – создал первобытные шалаши, хижины, пагоды, теремки.

Если бы прогремел сейчас выстрел, какая бы снежная буря поднялась в этом заколдованном уголке Карпат, как бы стали рассыпаться дивные сооружения!..

– Стоп! – Дзюба повернул к Белограю свою массивную голову, прикрытую меховой шапкой. – Перекур на свежем воздухе, гвардии старшина!

Машина остановилась на краю глубокой пропасти, на дне которой белели сугробы снега. Дорога, хорошо засушенная высокогорным морозом, хрустела под сапогами Белограя.

– Эй, Иване, давай трошки пободаемся!

Дзюба выставил правое плечо вперед и воинственной припрыжкой, неожиданной для его комплекции, двинулся на Белограя. Тот неуверенно принял вызов. Они сошлись, ударились друг о друга так, что еле устояли на ногах.

– Ого! – засмеялся Иван. – Вот тебе и «папаша»! Да у тебя, друже, еще богатырские силы. Держись!

Еще раз столкнулись и опять разлетелись в разные стороны. И пошло, и пошло... Оба покраснелись, тяжело дышали. Пар клубился над ними, а снег был вытоптан и разметан до щебенки.

– Добре, добре! – кричал Дзюба.

Шофер Скибан, заложив руки в карманы своего кожаного пальто, курил, молча улыбался и терпеливо ждал сигнала Дзюбы, чтобы ударить Белограя тяжелой гирей по голове.

...Ранним утром, на восходе солнца, заиндевший «мерседес» спустился на закарпатскую равнину. Пока машина мчалась по гладкому шоссе, вдоль Латорицы, от Свалявы до Мукачева, она успела побывать в нескольких зонах весны: весны воздуха и света, весны воды, весны цветов. По ту, северную, сторону Свалявы фруктовые сады еще были голые, на горных скло-

нах кое-где лежал ноздреватый тяжелый снег и не пробивался ни один пучок травы. Но весна чувствовалась уже в необыкновенно мягком и теплом воздухе. Весна шумела в бурных горных ручьях. Весна поднималась на прозрачных своих крыльях над талыми водами, над пашнями. Весна смотрела ясными очами с высокого чистого неба. Весна перебегала от одной зеркальной лужи к другой и перед каждой прихорашивалась.

За Свалявой, по южную ее сторону, на берегах Латорицы, зазеленели ивы. Вся пойма реки была залита изумрудной травой.

В Пасеке белым дымом вспыхнул терновник. Отрезок дороги от Чинадиево до Колчино машина прошумела между двумя цветущими шпалерами яблонь.

Под Мукачевом, по обе стороны дороги, лежали черные, вспаханные, забороненные и засеянные квадраты полей. По склонам холмов карабкались белоногие, с свежепобеленными стволами сады: каждое дерево окутано розовым, белым или красноватым облачком. В виноградниках хлопотали люди. Над огородами стлался дым – там сжигали прошлогоднюю ботву. Босоногие, в одних рубашонках мальчишки, уже чуть тронутые загаром, бродили с удочками по берегу Латорицы. Козы щипали молодую травку на южном валу канала. Голуби гомозились под черепичными крышами домов. Теплый ветер, атлантический гость, дул с равнины, с Большой Венгерской низменности.

Не видел уже Иван Белограй этого скромного и в то же время торжественного шествия ранней весны по закарпатской земле.

Он был убит у подножия Ночь-горы. Его обнаружили через несколько дней, когда под действием теплых ветров и жаркого солнца начали таять снега даже на неприступных карпатских вершинах, когда стали открываться самые глухие и темные ущелья.

Глава 4

В начале апреля, в субботу, незадолго до захода солнца из Будапешта вышла открытая, с длинным мотором и огромным багажником двухместная машина. За рулем золотистого обитого изнутри кожей «линкольна» сидел водитель в синем с белыми оленями на груди свитере. Это был Файн – заядлый рыболов, охотник, альпинист, пловец (он купался в Дунае чуть ли не круглый год). Выезд Джона Файна был привычным для знавших его будапештцев. Американец уже в течение двух лет каждую субботу выезжал на далекие прогулки: то на озеро Балатон, то на юг – к Сегеду, где Тисса уходила в Югославию, то к отрогам Альп – на границу Румынии, то в знаменитый своими винами Токай, расположенный на краю Большой Венгерской равнины, неподалеку от Советского Закарпатья.

На этот раз «линкольн» взял курс на восток. Промелькнули города, стоящие на автострате: Монор, Цеглед, Сольнок, Дебрецен. Последний, уже ярко освещенный электрическими огнями, был самым крупным. Здесь дорога разветвлялась. Можно было ехать к Трансильвании, к Карпатским горам или на Ньиредьхазу и к Тиссе, на Токай. Джон Файн направился на Ньиредьхазу и Токай.

Ночь он провел у костра, на виду у токайских рыболовов. Утром с увлечением предавался воскресному отдыху. В Тиссе вода была еще прохладная, но Джон Файн смело вошел в нее, искупался, шумно поплавал. Потом он разложил костер, обогрелся, наловил удочкой рыбы, сварил уху, выпил бутылку вина. В полдень он крепко заснул у потухшего костра, а с заходом солнца двинулся в обратный путь. Прогулка закончилась именно так, как в прошлую субботу и в прошлое воскресенье. Если бы за Джоном Файном и следили, его трудно было бы в чем-либо заподозрить.

Только много времени спустя выяснилось, что в субботу вечером Джон Файн, остановившись на безлюдной дороге неподалеку от Ньиредьхазы, открыл вместительный багажник и выпустил на волю скрывавшихся там пассажиров: Кларка и его ассистента Ярослава Граба, закарпатского украинца по происхождению. Прощание было коротким, безмолвным: все было уже сказано раньше, в посольстве.

Под покровом темноты и начинающегося дождя Кларк и Граб благополучно обошли большой город с запада, выбрались на его северную окраину, к железнодорожному полотну. Здесь, затаившись в придорожном саду, они дождались товарного поезда и еще задолго до полуночи были на подходе к пограничной станции. Не доезжая до семафора, они соскочили на землю и бесшумно скрылись в темноте. Через полчаса они постучали в глухое оконце небольшого дома, одиноко стоявшего у линии железной дороги. Путевой обходчик ждал их. Он открыл дверь, взглянул на гостей и, опустив голову, молча повел Кларка и Граба на чердак, заваленный душистым сеном. Морщинистый горбоносый железнодорожник был достаточно опытным содержателем потайной квартиры для нарушителей, чтобы проявить излишнее любопытство. Кларк оценил его сдержанность.

– Готово? – спросил он, отряхиваясь от дождя и вытирая мокрое лицо.

Хозяин утвердительно кивнул головой.

– А как у них... у наших попутчиков?

– И там все в порядке.

– Когда можете переправить?

– Подождем хорошего тумана. Отдыхайте. Не заждетесь.

Неслышно ступая, хозяин спустился вниз, плотно закрыл чердачную дверь. Кларк, не раздеваясь, сел на охапку сена неподалеку от слухового окна и положил рядом с собой пистолет. Свернув толстую козью ножку, он с наслаждением закурил.

Дождь перестал, в просветах между тучами зажглись звезды. Скоро ветер разметал остатки облаков и небо окончательно очистилось.

– Разгулялась погодка, будь она проклята! – выругался Кларк.

Покинув стены американского посольства в Будапеште, где он скрывался, Кларк не только говорил по-русски, но и заставлял себя думать по-русски.

Он поднялся и подошел к чердачному окну, выходившему на восток, к границе; смахнув пыль и паутину, протер стекло. В ярком лунном свете хорошо был виден большой железно-дорожный мост, переброшенный через Тиссу. Сейчас же за ним и за темными пятнами приречных садов начинался Явор, в который Кларку и Грабу предстояло пробраться.

На ясном небе четко вырисовывались трубы кирпичных заводов, купол монастыря, элеватор... Отливали металлическим блеском оцинкованные крыши домов. Роились бесчисленные огни. Приглядевшись, Кларк увидел, вернее – угадал хорошо ему знакомый по фотографиям силуэт башни бывшей Народной рады с огромными часами. Сильные прожекторы, установленные на высоких железных мачтах, с четырех сторон заливали ярким светом район железнодорожного узла с его белокаменным четырехэтажным вокзалом, водокачкой, депо и многочисленными путями.

Десятки людей в течение нескольких лет работали над тем, чтобы Кларк возможно больше знал о Яворе и его населении, чтобы он мог рассчитывать на сообщников, чтобы у него была надежда благополучно прорваться через границу. И все-таки полной уверенности в успешном исходе своей длительной, может быть, безвозвратной командировки у него не было.

Какими близкими и доступными кажутся отсюда эти яворские дома, эти искрящиеся теплые огни... При нормальных условиях до них можно добраться за полчаса. Но кто знает, сколько времени и энергии уйдет на то, чтобы преодолеть это ничтожное пространство тайно! Не исключено, что в Яворе уже во всех деталях известен план Кларка: советские разведчики умеют работать.

Это хорошо понимают в управлении стратегической службы. Именно поэтому Джон Файн, воплощение бездарности и напыщенной глупости, благодаря своим высоким покровителям из Пентагона⁴ остался благоденствовать в весеннем Будапеште, а он, талантливый, умный Кларк, вынужден рисковать жизнью.

Недовольный этими мыслями, Кларк нахмурился и быстро отошел от окна. Он не ожидал от себя такой слабости духа. И когда она проявилась! В самом начале труднейшего похода, на пороге советской земли. Растяпа! Слюнтяй! Его начинало знобить.

Мысленно отругав себя, он достал из кармана плоскую склянку с коньяком и щедро хлебнул из нее.

– Ну вот, кум, – сказал он, завинчивая пробку, – первый этап нашего путешествия закончился вполне благополучно.

Молчаливый и мрачный Граб, деловито ворочая квадратными челюстями, сосредоточенно жевал копченую колбасу.

«Животное! – подумал Кларк, с отвращением прислушиваясь к чавканью Граба. – Гипопотам»!

В больших планах Кларка Ярославу Грабу была отведена весьма и весьма скромная роль. Он, как местный человек, хорошо знающий правобережье Тиссы и все Закарпатье, двадцать с лишним лет проживший в городе Яворе, должен провести Кларка через границу и через район, прилегающий к ней. Выполнив эту роль и установив связь с неким Чеканюком, старым своим приятелем, кумом, он мог возвращаться назад в Венгрию тем же путем, каким пришел. В случае полного успеха дела, то есть если Граб в точности исполнит указания Джона Файна,

⁴ Военное ведомство в Вашингтоне (Соединенные Штаты Америки).

он получит оговоренное количество долларов и сможет уехать, как ему было обещано, вместе со своей семьей в Америку.

Инструкция Джона Файна предусматривала поведение Граба и на тот случай, если ему придется столкнуться лицом к лицу с советскими пограничниками. В критическую минуту он должен покончить с собой. Для этого ему достаточно поднести ко рту уголок воротника рубашки и разгрызть зубами вшитую туда ампулу с ядом.

Если Ярослав Граб вынужден будет выполнить этот пункт инструкции Джона Файна, то количество долларов, обещанное ему за провод Кларка, увеличивается в десять раз. Деньги при таком исходе дела получит семья, нашедшая себе приют в Западной Германии, в лагере для перемещенных лиц. Если же Граб живым попадет в руки пограничников, его семья не только ничего не получит, но и подвергнется жестоким репрессиям.

Глядя сейчас на своего поводыря, Кларк мысленно издевался над его надеждами на благополучный исход своего «отхожего промысла». В любом случае – и при неудаче, и при удаче, – Граб должен умереть. Что там жизнь какого-то Граба! Кларк не пожалел бы и десятка чужих жизней ради того, чтобы обеспечить себе спокойное существование в Яворе. С таким сильным противником, как советская разведка, надо бороться изошренно, не брезгуя никакими средствами.

Кларк рассчитывал, что замести свои следы ему не удастся. Граб шел с ним вовсе не в качестве проводника, как полагал, а в качестве ширмы. Кларк своевременно заботился, чтобы Граб, выполнив свое дело, как быстрее попал в руки пограничников. И он уверен, что Граб в нужный момент по собственной инициативе разгрызет ампулу с ядом – другого выхода у него нет: он не сдастся живым. В годы войны Граб служил в карательных войсках, поджигал дома в Воронеже и Киеве, расстреливал ни в чем не повинных людей в Закарпатье.

В течение пятнадцати лет учился Кларк механически владеть своими нервами и чувствами, быть покорным исполнителем приказов своего холодного, расчетливого разума. Он многого достиг, но все же, как показало сегодняшнее испытание, не добился полной победы над собой. Ему следовало бы сейчас заснуть или в крайнем случае еще раз проверить тщательно, нет ли в его плане какого-нибудь просчета, а он думает чорт знает о чем, завидует оставшемуся в посольстве Джону Файну.

Пятнадцать лет назад полковник Франклин Кларк определил своего единственного сына в один из секретных американских колледжей, готовивших высококвалифицированные кадры разведчиков. Десятилетнему мальчику наряду с обычными для всякой школы предметами преподавались специальные. Через пять лет Кларк получил общее среднее образование и всецело был переключен на изучение искусства тайной жизни в тяжелых для всякого разведчика условиях России.

В колледже изучалась история Коммунистической партии Советского Союза, история советского государства. Кларк штудировал «Коммунистический манифест», заучивал его наизусть, закреплял в памяти даты истории партии, читал в подлиннике современные советские книги. Изучал советские и старинные русские песни, жизнь и быт советских людей, их привычки, характерные слова, пословицы, манеру разговаривать. И, само собой разумеется, он обучался там актерскому искусству, снайперской стрельбе, акробатической ловкости, обращению с ядами и многому другому. Он освоил профессии паровозного слесаря, шофера, парикмахера. В среде инженерно-технических работников он мог бы чувствовать себя так же легко, как и среди солдат. Если бы потребовали обстоятельства, он стал бы цирковым артистом или баянистом и даже преподавателем математики.

Трудно было в школе, но зато теперь Кларк обладал способностью улыбаться даже в минуты смертельной опасности. Беспечный с виду, он всегда готов мгновенно выхватить из кармана пистолет и пустить своему противнику пулю в сердце или в голову. Он умел прыгать с высоты трехэтажного дома, плавать и нырять, как рыба, быстро ходить на лыжах по снежной

целине, превосходно лазить по скалам и деревьям, легко, не теряя сил, голодать по трое суток кряду, стойко переносить длительную жажду, пить водку стаканами. Чистокровный американец, он отлично говорит по-русски. Разве способен на это Джон Файн?

И среди своих соотечественников Кларк не переставал быть человеком тайной жизни. Покорно-исполнительный, он втайне ненавидел своих преуспевающих начальников, этих белоручек, никогда не рискующих жизнью. Ненависть, рожденная завистью, нисколько не мешала ему выслуживаться, делать карьеру. А сделать ее он решил во что бы то ни стало, любой ценой. Он не остановится на полдороге, несмотря ни на какие опасности. Что такое жизнь без состояния, без высокого положения?

Кларк твердо знал, что никогда не продвинуться ему вверх по служебной лестнице, если он не преодолеет эту третью или четвертую, во всяком случае, решающую ступеньку – карпатскую. Не видать ему не только полковничьих, но и майорских погонов, если он не справится с порученным делом. Нет, он сделает всё. Он откроет себе дорогу в самые важные, секретные кабинеты Пентагона, он догонит и перегонит Джона Файна, который благодаря своим долларам и связям занял видное, не принадлежащее ему по праву место в мире разведчиков. Надо вырваться вперед, выскочить из этой отвратительной трясины безвестности, из ряда незаметных людей. Пусть сейчас по его пятам неотступно следует смерть, но зато потом, через пять-шесть лет, крупный счет в банке, полковничьи погоны, собственная вилла, роскошный «лимузин», выгодная женитьба на дочери какого-нибудь государственного сановника или денежного туза – и неоспоримое право свысока смотреть на тех, кто сейчас сам смотрит на него так. О, ради этого Кларк готов на всё!

Кларк и его спутник ночь и день отсиживались на чердаке железнодорожной будки. Вечером второго дня путевой обходчик вывел своих заморских гостей заброшенными, дичающими садами к Тиссе, наглухо закрытой туманной мглой.

На берегу реки, в глубокой воронке, Кларка дожидались «попутчики» – три плечистых, одетых в одинаковые куртки парня. Барашковые воротники подняты, кепи глубоко, по самые уши, надвинуты на голову. Лица темные, неразличимые. В руках у каждого автомат, на ремне – снаряженные диски, гранаты.

Это была «группа прикрытия», еще одна хитрость и тайна Кларка. Все трое с оружием в руках служили немецким фашистам. После войны были в бандах, скрывавшихся по ту, северную, сторону Карпат, в труднодоступных районах. Выползали оттуда по ночам: убивали из-за угла советских работников, терроризировали местное население. Они бежали, когда были разгромлены и уничтожены основные логовища бандитских шайк.

За кордоном быстро нашлись новые хозяева – американцы. Все трое выгодно торговались с ними и вот сейчас снова шли на советскую землю, готовые опять убивать, грабить, жечь.

Эти люди, как и Граб, не подозревали, какова их истинная роль в планах Кларка. Они полагали, что выполняют важную задачу. Они принимали Кларка за доверенное лицо своих хозяев, которому приказано проводить их в дальний путь. Но не ведали о том, что, переходя границу, они всего-навсего должны были отвлечь внимание пограничников от Кларка.

Кларк кратко, сдавленным шепотом в последний раз проинструктировал этих смертников и дал знак начинать переправу. Лодка, едва отчалив от берега, сразу же стала невидимой.

Кларк и Граб молча лежали на краю воронки и, чуть дыша, вглядывались в туманную Тиссу, ожидая огневой вспышки выстрела.

Прошло десять... пятнадцать... двадцать минут. Тисса молчала. Кларк с облегчением вздохнул: всё в порядке.

Из тумана неслышно возникла легкая надувная лодка. Взяв новых пассажиров, лодочник мягко оттолкнулся веслом от берега.

Минут через десять быстрое течение Тиссы вынесло резиновую посудину туда, где ей и положено было пристать по замыслу Кларка: к восточному берегу, между большим желез-

нодорожным мостом и развалинами домика бакенщика, не менее чем в километре от места высадки первой группы. Здесь лодка была потоплена.

Как ни готовился Кларк к переходу границы, все же он вступил на советскую землю с непреодолимым чувством страха. Одно дело – переходить границу мысленно, теоретически, а другое – вот так, физически. Он ясно, как никогда ранее, ощутил то, на что пошел. На каждом шагу – буквально на каждом – его подстерегала смерть.

Кларк и его спутник некоторое время молча напряженно прислушивались. Кларк лежал на Грабе, не касаясь земли даже пальцем. Он решил преодолеть границу на спине Граба, не оставив на земле ни одного своего следа.

На границе было тихо. Изредка с Тиссы доносился резкий всплеск. То крошился, как хорошо знали лазутчики, берег, подмытый быстрым течением полноводной реки.

Прибрежная земля была по-весеннему податливой, прохладной, пахла водорослями, рыбьей чешуей, прелью прошлогодних листьев.

Кларк нажал на плечо Граба. Тот осторожно, с расчетливой размеренностью поднялся и сразу же стал продвигаться вглубь советской территории. Все силы, все свое внимание он затрачивал на то, чтобы погасить звуки движения.

Кларк, сидя верхом на своем ассистенте, вглядывался, слушал, угадывал: где сейчас находятся советские пограничники? Чем они заняты?

Один из их нарядов мог находиться сейчас метрах в двухстах отсюда, под железнодорожным мостом, или чуть дальше, в развалинах домика бакенщика. Если он там, то все обойдется благополучно, по крайней мере на первом этапе.

Но Кларк отлично знал, что советские пограничники охраняют государственный рубеж не по шаблону, что они изобретательны в разного рода сюрпризах, преподносимых нарушителям. Их наряд может оказаться в самом неожиданном месте, они могут оглушить тебя своим «Стой»! в то самое мгновение, когда ты уже считал себя в безопасности. Если это случится, тогда, как и предусмотрено, Граб прильнет к земле, начнет отстреливаться до последнего патрона, его поддержат «попутчики», а Кларк тем временем во весь дух устремится к Тиссе. Пусть весенние ее воды холодны, как лед, бурны, как горный поток, – все равно он переплывет обратно на левый берег и затаится в заранее облюбованной щели. Предусмотрено все, решительно все, что может выпасть на долю Кларка. Каждый шаг продвижения выверен тысячу раз. Любой случайности противопоставлены холодный расчет, решимость, приобретенная годами тренировки ловкость, и все-таки чувство страха не покидало Кларка.

Граб остановился, шепнул:

– Полоса...

Нет, этот звук не имел ничего общего с тем, что люди называют шепотом. Он напоминал скорее всего шипенье змеи, доступное слуху только существа змеиной же породы.

Кларк хорошо знал тайну этого слова.

Сколько раз, еще будучи в разведывательной школе, он, как и его соученики, изобретал способы преодоления этой узкой полосы земли. Много способов было придумано, и все же полоса оставалась камнем преткновения на тайных дорогах лазутчиков. Не только след человека, но даже заячья лапа ясно отпечатывается на ней. Ее не переползешь, не обойдешь. Всюду она: и на равнине, и на берегах рек, и по кромкам болот, и даже в горах. По следу, оставленному на служебной полосе, пограничники определяют и направление пути нарушителя и даже его физические приметы. Отсюда начинают свой путь розыскные собаки. И чем опытнее тот, кто вступает на эту мягкую, взрыхленную землю, чем больше он знает о ней, тем страшнее она. Кларк согласился бы куда угодно прыгнуть с парашютом, только бы не преодолевать эту невинную с виду полосу земли.

Почему-то именно сейчас, перед ней, Кларк подумал о том, что он еще молод и не женат, что, может быть, никогда не носить ему полковничьих погон, что лежит он на берегу Тиссы,

в то время как Джон Файн блаженствует в своей мягкой постели или играет в покер. Подумал и о том, что все, что он делал до сих пор, было лишь подготовкой к тому, что он должен делать вот теперь.

– Полоса, – повторил Граб, по-своему понявший молчание и нерешительность своего седока.

Кларк энергично нажал на плечо Граба. Тот осторожно опустился на колени, уверенно сделал какое-то неуловимое, скользкое движение вперед и лег, предварительно раскинув резиновую дорожку. Кларк не мог не отдать должное своему далеко не спортивного вида спутнику. Он слегка похлопал его по теплому складчатому затылку. Это прикосновение значилось в числе условленных приемов, с помощью которых Кларк управлял своей «лошадью». Оно означало: «Все в порядке».

Граб, распластавшись на резиновой дорожке, тяжело дыша, отдыхал и ждал приказаний. И сквозь одежду Кларк ощущал его горячую, потную спину.

Если бы Кларк не был подающим большие надежды выучеником знаменитой школы разведчиков, он бы, возможно, не удержался от соблазна перейти границу именно сейчас, в тишайшую минуту. Но Кларк все учитывал. Он знал, что будет потом. Ночной дозор неминуемо обнаружит след. Собака, направленная по следу, настигнет его прежде, чем он доберется до надежного укрытия. И вся карьера Кларка, так блестяще начатая, бесславно кончится.

Кларк поскреб ногтями затылок Граба. Это означало, что тот должен отступить. Граб бесшумно отполз к Тиссе. Метр, два, три... шесть. Бурьян. Пенек... Ствол истлевшего, замшелого дерева... Песчаная яма... Вот теперь довольно. Кларк слегка стукнул Граба по голове, и тот сразу же остановился, тяжело дыша.

С жадностью прислушивался Кларк к тишине границы. Он ждал дозора, который появится или справа, со стороны дуба, расщепленного молнией, или слева, от развалин хижины бакенщика. Пограничники медленно пройдут вдоль служебной полосы, освещая ее фонарем. От фланга к флангу. Потом, отдохнув, дозор повторит свой маршрут. Значит, рассуждал Кларк, если он перейдет ее не сейчас, перед появлением дозора, а после того, как пограничники вернутся обратно, то будет иметь в своем распоряжении не менее часа. За это время можно

скрыться. И это при самом жестком условии: если след будет быстро обнаружен. Если же заметят первым не его след, а соседей, на что Кларк твердо рассчитывал, тогда еще больше шансов на удачу. За два часа он так далеко уйдет от границы, что и с помощью ста ищеек его не настигнешь.

Кларк и Граб одновременно вздрогнули, когда справа в туманной мгле низко над землей вспыхнул узкий луч электрического фонаря. Чуткое ухо Кларка уловило звуки осторожных шагов.

Дозор поравнялся с Грабом и Кларком. Луч равномерно, спокойно гладил рыхлую землю. Шаги солдат удалялись влево.

Кларк перевел дыхание, облизал губы. Луч фонаря погас. «Дошли до развалин, – подумал Кларк. – Сейчас пойдут назад». Он слегка нажал плечо Граба, что означало: «Будь готов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.